

Научная статья  
УДК 347.736:347.5  
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1741

**Tatyana Fedorovna Klyandina**  
Postgraduate of the Department of Civil  
and Entrepreneurial Law,  
specialty 5.1.3 —  
Private law (civilistic) sciences,  
Novosibirsk State University of Economics  
and Management (NSUEM)  
Novosibirsk, Russian Federation;  
Magistrate Judge,  
Judicial District No. 28 of the City of Yuzhno-Sakhalinsk  
Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation  
anikinytmn@gmail.com

**Татьяна Федоровна Кляндина**  
аспирант кафедры гражданского  
и предпринимательского права,  
специальность 5.1.3 —  
Частно-правовые (цивилистические) науки,  
Новосибирский государственный университет экономики  
и управления «НИНХ»  
Новосибирск, Российская Федерация;  
мировой судья,  
Судебный участок № 28 г. Южно-Сахалинска  
Южно-Сахалинск, Российская Федерация  
anikinytmn@gmail.com

## ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В СФЕРЕ МИКРОФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ И АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ЗАЕМЩИКОВ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

**Аннотация.** В статье исследуются современные формы злоупотребления правом со стороны микрофинансовых и кредитных организаций и профессиональных взыскателей в условиях цифровой трансформации финансового рынка Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена динамикой рынка микрофинансирования и отсутствием в цивилистической доктрине комплексного анализа злоупотреблений при цифровом потребительском кредитовании, что формирует насущную потребность в выработке единообразных критериев добросовестности кредиторов. Цель работы — выявление основных моделей недобросовестного поведения кредиторов, установление их зависимости от императивных ограничений законодателя и формулирование критериев, позволяющих судам отличать добросовестное осуществление гражданских прав от злоупотребления правом. Гипотеза исследования состоит в том, что в условиях цифрового мошенничества бремя доказывания факта волеизъявления заемщика должно быть существенно усилено для профессионального участника рынка. Научная новизна заключается в обосновании доктринального подхода о переносе бремени доказывания реального волеизъявления на кредитора при выявлении совокупности признаков аномальной активности цифровой среды.

Анализ семнадцати судебных актов 2017—2026 гг. показал, что кредиторы систематически перекладывают риски цифровой среды на потребителя. Особое внима-

ние уделено идентификации заемщика при использовании простой электронной подписи, уступке прав требования непрофессиональным взыскателям, навязыванию дополнительных услуг, бездействию банков при признаках цифрового мошенничества, использованию внесудебного и упрощенного взыскания задолженности без подтверждения бесспорности требований, а также процессуальным злоупотреблениям, в т. ч. схемам уклонения от уплаты государственной пошлины. Отмечена недопустимость игнорирования реального волеизъявления заемщика при дистанционном заключении сделок.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования правоприменительной практики и минимизации рисков недобросовестного кредитования. Ограничения исследования связаны с фрагментарностью судебной статистики. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом зарубежного опыта и разработкой методических рекомендаций по контролю за дистанционным банковским обслуживанием.

**Ключевые слова:** микрофинансовые организации, злоупотребление правом, потребительский займ, простая электронная подпись, уступка прав требования, добросовестность, защита прав заемщиков, цифровое мошенничество, дистанционное банковское обслуживание, удаленная идентификация заемщика, предельная задолженность по потребительскому займу, перераспределение рисков идентификации

**Для цитирования:** Кляндина Т. Ф. Злоупотребление правом в сфере микрофинансовой деятельности в условиях цифровизации финансовых услуг и аспекты судебной защиты заемщиков // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 3(76). С. 210—218. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1741.

## Original article

# ABUSE OF RIGHT IN THE FIELD OF MICROFINANCE ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF FINANCIAL SERVICES AND ASPECTS OF JUDICIAL PROTECTION OF BORROWERS

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

**Abstract.** *This article examines contemporary forms of abuse of right by microfinance organizations, credit organizations, and professional debt collectors amid the digital transformation of the Russian financial market. The relevance stems from the dynamics of the microfinance market and the absence of a comprehensive civil law analysis of abuses in digital consumer lending, which necessitates the development of uniform criteria for assessing creditors' good faith. The aim is to identify principal models of creditors' bad-faith conduct, establish their correlation with imperative legislative restrictions, and formulate criteria enabling courts to distinguish between good-faith exercise of civil rights and abuse of right. The research hypothesis posits that in the context of digital fraud, the burden of proving the borrower's genuine intent must be substantially shifted to the professional market participant.*

*Analysis of seventeen judicial acts from 2017 to 2026 reveals that creditors systematically transfer digital environment risks to consumers. Particular attention is devoted to borrower identification via simple electronic signatures, assignment of claims*

*to non-professional collectors, imposition of ancillary services, banks' inaction upon signs of digital fraud, utilization of out-of-court and simplified debt collection without confirmation of claims' indisputability, and procedural abuses, including state fee evasion schemes. The study emphasizes the inadmissibility of disregarding the borrower's actual intent in remote transactions.*

*The findings may be used to refine law-enforcement practice and mitigate unfair lending risks. While limited by fragmented judicial statistics, this research paves the way for future studies on international experience and the development of methodological guidelines for regulating remote banking services.*

**Keywords:** *microfinance organizations, abuse of right, consumer loan, simple electronic signature, assignment of claims, good faith, protection of borrowers' rights, digital fraud, remote banking services, remote identification of the borrower, maximum debt cap on consumer loan, redistribution of identification risks*

**For citation:** Klyandina T. F. Abuse of right in the field of microfinance activities in the context of digitalization of financial services and aspects of judicial protection of borrowers. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;3(76): 210—218. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.76.1741.

## Введение

**Актуальность** исследования обусловлена совокупностью трех взаимосвязанных факторов, определяющих современный этап развития рынка потребительского кредитования в Российской Федерации.

Во-первых, устойчивым ростом объема рынка микрофинансирования и сопутствующих судебных споров. По данным Рейтингового агентства «Эксперт РА» за 2017 г. ([https://raexpert.ru/researches/mfo/itog\\_2017/](https://raexpert.ru/researches/mfo/itog_2017/)) и Обзоров ключевых показателей микрофинансовых институтов за IV квартал 2024 г. ([https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55513/review\\_mfi\\_24Q4.pdf](https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55513/review_mfi_24Q4.pdf)) и за I квартал 2026 г. ([https://cbr.ru/Collection/Collection/File/62095/review\\_mfi\\_26Q1.pdf](https://cbr.ru/Collection/Collection/File/62095/review_mfi_26Q1.pdf)) Банка России, портфель микрозаймов вырос со 121 млрд руб. в 2017 г. до 624 млрд руб. по итогам 2024 г., а по итогам I квартала 2026 г. скорректировался до 545,9 млрд руб. на фоне снижения выдач и введения законодательного ограничения общей суммы всех платежей, что важно для выработки единообразных критериев добросовестности кредиторов. Доля онлайн-займов в выдачах достигла 84 %, что создает технологическую основу для новых форм злоупотребления правом, связанных с идентификацией заемщиков через простые электронные подписи.

Во-вторых, появлением новых схем обхода императивных законодательных запретов. До вступления в силу Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 554-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)” и Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”» доминирующей формой злоупотребления являлось прямое завышение процентных ставок. После введения

законодательного ограничения общей суммы всех платежей по договору (лимит предельной задолженности в размере 150 % по Федеральному закону от 2 августа 2019 г. № 271-ФЗ, а с 1 апреля 2026 г. — 100 % от суммы займа по Федеральному закону от 29 декабря 2025 г. № 545-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») микрофинансовые организации перешли к альтернативным способам максимизации дохода, в первую очередь к навязыванию скрытых комиссий под видом дополнительных услуг.

В-третьих, позициями судебной практики 2025—2026 гг. в оценке добросовестности кредиторов при дистанционном кредитовании. Ранее суды исходили из презумпции, что сам факт ввода SMS-кода для подтверждения электронной сделки доказывает волеизъявление заемщика. В настоящее время формальный подход уступает место содержательному анализу реального волеизъявления и суды исследуют принадлежность номера телефона и банковской карты (счета) конкретному лицу, наличие признаков аномальной активности (вход с нового устройства, мгновенный перевод средств третьим лицам, смена пароля непосредственно перед операцией) и способность кредитора как профессионального участника рынка распознать признаки мошенничества. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 41-КГ25-69-К4, прямо указано, что наличие корректной электронной подписи само по себе не является безусловным доказательством волеизъявления заемщика при наличии данных о мошенничестве. Эта правовая позиция развивает более раннее Определение Конституционного суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О, констатировавшее, что к числу обстоятельств,

при которых кредитной организации при дистанционном оформлении кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует относить факт подачи заявки на получение кредита и незамедлительную выдачу банку распоряжения о перечислении денежных средств в пользу третьего лица. Совокупность данных позиций требует теоретического осмысления и систематизации в целях выработки единообразных критериев добросовестности кредиторов.

**Целесообразность разработки темы** обусловлена сочетанием нормативных пробелов в регулировании цифровой идентификации и актуальных потребностей судебной практики. Разработка темы позволит выявить системные формы злоупотребления правом в цифровой среде, проанализировать эволюцию недобросовестных практик как реакцию на ужесточение императивных запретов и выработать единообразные критерии добросовестности кредиторов, что имеет как теоретическое значение для развития цивилистической доктрины, так и прикладное значение для формирования правоприменительной практики.

**Изученность проблемы.** Основы теории злоупотребления правом изложены в работах А. Г. Карапетова, который системно исследует его формы, трактуя запрет злоупотребления как проявление принципа добросовестности, и обосновывает необходимость перехода от формальной процедуры к оценке экономического содержания поведения сторон в обязательственных отношениях [1]. В. С. Ем и Е. А. Суханов раскрыли природу добросовестности как «внешнего мерила» и объективного критерия оценки поведения, обусловленного сложившимся в обществе идеалом честного поведения, нарушение которого влечёт неблагоприятные последствия для злоупотребляющей стороны [2]. О. А. Поротикова систематизировала традиционные формы злоупотребления в гражданском обороте [3]. Е. В. Вавилин систематизировал традиционные формы злоупотребления в гражданском обороте, и сформулировал объективные критерии оценки поведения на добросовестность, исключая произвол суда [4]. В трудах В. П. Грибанова сформулировано классическое понимание пределов осуществления гражданских прав и выделены формы недобросовестного поведения участников оборота [5].

Специфика микрофинансовой деятельности исследована в работах А. А. Шестемирова и А. Д. Семёновой, раскрывших экономико-юридическую природу микрокредитования как специфического финансового инструмента [6]. О. Н. Евсеева обратила внимание на проблему бесспорности требований при взыскании задолженности по договору микрозайма, подписанному электронной подписью, особенно в приказном производстве, где заемщик фактически лишен возможности заявить возражения до вынесения судебного приказа [7]. В. В. Кванина и М. Н. Локтева показывают, что анализ материалов правоприменительной практики выявил ограничение в реализации принципа свободы договора и рассматривают типичные нарушения законодательства при предоставлении потребительского кредита (займа) с возможностью приобретения дополнительных (страховых) услуг [8]. Указанные работы важны для анализа исследования судами порядка заключения и содержания договоров потребительского кредита (займа), однако в них не раскрыты формы обхода законодательных запретов через процессуальные механизмы.

Вопросы использования простых электронных подписей рассматривались А. И. Савельевым, квалифицировавшим простую электронную подпись как средство идентификации

в гражданском обороте [9]. Д. Д. Джумагуловым, исследовавшим проблемы доказывания волеизъявления при заключении договоров в электронной форме [10] и А. В. Минбале-евым, отметившим необходимость формирования технологических экосистем, базирующихся на выработке технических регламентов и стандартов, устанавливающих обязательные требования к объектам цифровизации, поскольку цифровые технологии часто порождают иллюзорное представление о безопасности [11]. А. Карловский проанализировал специфику заключения кредитного договора посредством коротких сообщений [12], М. В. Хадеева исследовала реализацию принципа свободы договора при дистанционном банковском обслуживании [13], С. В. Соболев рассмотрел проблемы правовой природы электронной графической подписи [14]. В названных работах, однако, не установлена взаимосвязь между неосмотрительностью кредиторов при верификации заемщиков и последующим признанием сделок незаключенными или ничтожными в судебном порядке.

Процессуальные аспекты злоупотребления правом освещены в трудах Н. Н. Бакуровой, выявившей факты процессуального злоупотребления со стороны взыскателей при массовом обращении в суды [15]. В. М. Нестерова, обратившего внимание на дисбаланс процессуальных прав сторон при использовании института мировых судей для бесспорного взыскания [16], и А. В. Юдина, проанализировавшего сущность злоупотребления процессуальными правами как особой формы гражданского процессуального правонарушения и обосновавшего необходимость применения мер гражданской процессуальной ответственности для пресечения недобросовестного поведения участников судопроизводства [17]. Вместе с тем комплексный анализ взаимосвязи между выдачей займов с нарушением стандартов безопасности и последующим агрессивным взысканием, включая новые схемы уклонения от уплаты государственной пошлины через уступку прав инвалидам, в научной литературе представлен фрагментарно.

Таким образом, несмотря на наличие значительного количества работ по отдельным аспектам микрофинансирования и судебной защиты, комплексное исследование системных форм злоупотребления правом в условиях цифровизации финансовых услуг, охватывающее все стадии правоотношения по предоставлению и возврату потребительского кредита (займа), отсутствует. Недостаточно изученными остаются эволюция судебных подходов к распределению рисков цифрового мошенничества между кредитором и заемщиком, а также эффективность правоприменительных механизмов в целях пресечения схем обхода императивных запретов.

**Научная новизна** заключается в обосновании тезиса о том, что в условиях цифрового мошенничества бремя доказывания факта волеизъявления заемщика должно быть существенно усилено для кредитора. В работе систематизированы решения судов 2017—2026 гг., демонстрирующие как судебная практика перешла от признания достоверности простой электронной подписи к требованию доказательства принадлежности номера телефона и банковской карты конкретному лицу в момент сделки. Доказано, что злоупотребление правом динамично, зависит от уровня правовой определенности и в сфере кредитования трансформировалось в ответ на ужесточение законодательных запретов. Автором предложена периодизация форм злоупотребления правом по четырем хронологическим этапам (2017—2018, 2019—2022, 2023—2024, 2025—2026 гг.)

и комплексный анализ системных форм злоупотребления на всех стадиях обязательства по предоставлению и возврату потребительского кредита (займа) в цифровой среде. Обобщение новейшей судебной практики позволило сформулировать единообразные критерии добросовестности кредиторов.

**Гипотеза** исследования состоит в том, что в условиях цифровизации финансовых услуг и ужесточения императивных законодательных запретов злоупотребление правом, выражавшееся изначально в прямом нарушении, трансформировалось в сложные схемы обхода запретов, при этом риски цифровой среды (включая цифровое мошенничество и неправомерное использование простой электронной подписи) систематически переносятся на потребителя. В этой связи требуется пересмотр подходов к распределению бремени доказывания волеизъявления заемщика и выработка единообразных критериев добросовестности кредиторов.

**Цель** исследования состоит в выявлении и систематизации основных моделей недобросовестного поведения кредиторов в сфере микрофинансирования, установлении взаимосвязи между этапами законодательного ужесточения и трансформацией форм злоупотребления, а также в разработке доктринального подхода к распределению бремени доказывания волеизъявления заемщика между сторонами обязательства по предоставлению потребительского кредита (займа).

#### **Задачи исследования:**

1. Проанализировать способы навязывания платных дополнительных услуг и искажения информации о полной стоимости потребительского кредита (займа) как форму злоупотребления правом, включая обход лимита предельной задолженности через заключение отдельных договоров на дополнительные услуги.

2. Исследовать правовые последствия уступки прав требования по договорам потребительского кредита (займа) лицам, не обладающим статусом профессиональных взыскателей.

3. Определить пределы ответственности кредиторов за риски дистанционной идентификации заемщика с использованием простой электронной подписи в случаях компрометации персональных данных.

4. Выявить тенденции в судебной практике по делам о признании договоров потребительского кредита (займа) незаключенными или ничтожными вследствие отсутствия реального волеизъявления заемщика.

**Теоретическая значимость** исследования заключается в выявлении и систематизации форм злоупотребления правом в сфере микрофинансирования в условиях цифровизации, ранее не получивших комплексного научного осмысления. Предложена периодизация форм злоупотребления правом по четырем хронологическим этапам (2017—2018, 2019—2022, 2023—2024, 2025—2026 гг.), что позволяет рассматривать злоупотребление правом как динамическое явление, непосредственно взаимосвязанное с этапами императивного законодательного регулирования. Установленная взаимосвязь между законодательным ужесточением и модификацией форм недобросовестного поведения кредиторов дополняет классические цивилистические исследования А. Г. Карапетова, В. С. Ема, Е. А. Суханова и Е. В. Вавилина применительно к цифровым финансовым отношениям. Обоснование доктринального подхода к распределению бремени доказывания волеизъявления

заемщика углубляет понимание критериев добросовестности кредитора по ст. 10 Гражданского кодекса РФ применительно к цифровой среде. Обобщение судебной практики 2025—2026 гг. позволило зафиксировать переломный момент в правоприменении: переход от формального подхода к оценке договоров, заключенных в электронной форме, к содержательному анализу волеизъявления.

**Практическая значимость** состоит в возможности использования полученных выводов:

– *судами* — для более точной квалификации обстоятельств дел о взыскании задолженности по договорам потребительского кредита (займа), заключенным посредством простой электронной подписи, оценки добросовестности кредиторов при дистанционном обслуживании и распределения бремени доказывания волеизъявления заемщика;

– *адвокатами и юристами* — для построения эффективной защиты заемщиков, включая оспаривание договоров потребительского кредита (займа), признанных незаключенными или ничтожными вследствие отсутствия реального волеизъявления;

– *юристами кредитных и микрофинансовых организаций* — для корректирования внутренних процедур верификации заемщиков и минимизации судебных рисков;

– *Банком России* — для разработки методических рекомендаций по усилению контроля за операциями в системах дистанционного банковского обслуживания;

– *гражданами-заемщиками и потенциальными потребителями финансовых услуг* — для осознанного использования механизмов судебной защиты при оспаривании навязанных услуг, кредитов (займов), оформленных мошенническим путем, и применении законодательного ограничения общей суммы всех платежей.

Результаты также могут быть использованы обществами защиты прав потребителей, финансовым уполномоченным и законодателем при совершенствовании федеральных законов от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ и от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

#### **Основная часть**

**Методология исследования.** Методологическую основу работы составили общенаучные и частнонаучные методы правового исследования. Формально-юридический (догматический) метод применен для толкования норм Гражданского кодекса РФ, федеральных законов от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ, от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ и от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Сравнительно-правовой метод и метод анализа судебной практики стали основными инструментами верификации гипотезы; эмпирическую базу составили 17 судебных актов, вынесенных в период с 2017 по 2026 г. судами различных субъектов Российской Федерации и уровней — от районных судов до Верховного и Конституционного судов РФ. Системно-структурный метод позволил рассматривать злоупотребление правом как элемент системы взаимоотношений «кредитор — заемщик — регулятор (Банк России) — суд» и построить периодизацию форм злоупотребления по четырем хронологическим этапам (2017—2018, 2019—2022, 2023—2024, 2025—2026 гг.). Статистический метод использован при анализе данных Банка России и Рейтингового агентства «Эксперт РА» об объемах рынка микрофинансирования и доле онлайн-займов.

**Результаты исследования.** Одной из наиболее распространенных форм недобросовестного поведения кредиторов является включение в тело займа стоимости дополнительных услуг, которые часто носят фиктивный характер. К таким услугам относятся страхование жизни, информирование посредством коротких сообщений, анализ кредитной истории и юридические консультации. Стоимость указанных сервисов может достигать значительной части суммы займа, при этом проценты начисляются на всю сумму, включая комиссии, что искусственно завышает реальную доходность для кредитора и долговую нагрузку для заемщика. Согласно ч. 19 ст. 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ запрещается взимать плату за услуги, оказываемые исключительно в интересах кредитора. На практике такой запрет часто нарушается кредиторами. В частности, для маскировки навязывания таких услуг кредиторы допускают самостоятельное проставление в договоре отметки о согласии заемщика на оказание дополнительных услуг, чем нарушают ч. 2 ст. 7 указанного закона. В. В. Кванина и М. Н. Локтева, анализируя практику навязывания страховых услуг, обоснованно указывают, что отсутствие в кредитных документах информации о полной стоимости кредита с наличием страхования и без него, лишаящее заемщика возможности самостоятельного выбора, должно рассматриваться в качестве злоупотребления своими правами со стороны банка [8, с. 101]. Данный подход подтверждает судебная практика. В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 19 июля 2021 г. № Ф09-4950/21 по делу № А60-57137/2020 установлено, что банк рассчитал полную стоимость кредита без учета комиссии за выпуск карты и страховой премии, что нарушило право потребителя на достоверную информацию. Это демонстрирует строгий контроль судов за соблюдением «потолка» переплаты, несмотря на попытки кредиторов обойти его через отдельные договоры на услуги. Устойчивость данной позиции подтверждается Определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31 марта 2026 г. № 88-6670/2026, в котором кассационная инстанция отменила апелляционное определение, отказавшее заемщику в возмещении убытков от навязанных услуг (страховая премия в размере 418 000 руб. и сертификат «Мультисервис» стоимостью 100 000 руб.). Суд кассационной инстанции указал, что согласие на подключение дополнительных услуг было проставлено машинописным способом, что прямо противоречит п. 2 ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ, устанавливающего запрет на проставление кредитором отметок о согласии заемщика на оказание ему дополнительных услуг. Кассационный суд также подчеркнул, что убытки от навязанных услуг подлежат возмещению вне зависимости от истечения срока действия соответствующего договора, а бремя доказывания информированного и добровольного согласия заемщика на оплату дополнительных услуг возлагается на кредитора. Данное определение подтверждает, что предоставление дисконта к процентной ставке при наличии страховки не исключает квалификации соответствующих условий как навязанных, если заемщику не была обеспечена реальная возможность выбора и полная информация о стоимости услуг. Для окончательного пресечения подобных практик необходимо закрепление на уровне разъяснений Верховного суда РФ критериев добровольности согласия заемщика на дополнительные

услуги, включая запрет машинописного способа его выражения и недопустимость скрытой обусловленности процентной ставки наличием таких услуг.

Следующим видом злоупотребления, получившим широкое распространение на вторичном рынке долга, выступает уступка прав требования непрофессиональным взыскателям. Несмотря на ограничения, установленные ст. 12 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ, микрофинансовые организации продолжают передавать права требования по договорам займа третьим лицам, не соответствующим требованиям, предъявляемым к субъектам профессиональной деятельности по возврату просроченной задолженности. Как разъяснено в п. 74 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», уступка права требования лицам, не имеющим лицензии на банковскую деятельность, допускается только при условии соблюдения специальных требований к профессиональным взыскателям. Пятый кассационный суд общей юрисдикции выработал устойчивую позицию по отказу в исках таким цессионариям. В определениях от 1 сентября 2023 г. № 88-7696/2023 и от 16 января 2024 г. № 88-366/2024 суд указывал, что индивидуальный предприниматель, приобретающий долг, не является субъектом профессиональной деятельности по возврату просроченной задолженности. В решении Октябрьского районного суда г. Тамбова от 30 ноября 2023 г. по делу № 2-2994/2023 договор об уступке прав был признан недействительной сделкой, что подтверждает жесткую позицию судов в отношении передачи прав требования непрофессиональным участникам рынка. В этом же ключе следует отметить Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2026 г. № 88-8626/2026, в котором суд отказал индивидуальному предпринимателю в процессуальном правопреемстве по делу о взыскании задолженности по договору потребительского займа, несмотря на наличие в договоре пункта, разрешающего уступку прав требования третьим лицам. Суд указал, что Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ не предусматривает права осуществлять уступку по договору потребительского кредита (займа) физическим лицам, в т. ч. индивидуальным предпринимателям, не внесенным в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, а письменное согласие заемщика на передачу долга, полученное кредитором после возникновения просроченной задолженности, не устраняет нарушение законодательного запрета. Н. Н. Бакурова справедливо указывает, что массовая скупка долгов микрофинансовых организаций непрофессиональными участниками рынка и последующее валовое обращение в суды создают недопустимую нагрузку на судебную систему, что само по себе может квалифицироваться как процессуальное злоупотребление правом [16, с. 67]. Для системного пресечения передачи долгов непрофессиональным взыскателям без ограничения гражданско-правовой свободы уступки представляется целесообразным закрепление обязанности кредитных организаций и микрофинансовых организаций уведомлять Банк России о каждой совершенной уступке прав требования по договорам потребительского кредита (займа) с указанием сведений о цессионарии, что позволит осуществлять мониторинг соблюдения требований

ст. 12 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ. При выявлении передачи прав лицу, не обладающему статусом профессионального взыскателя, Банк России вправе направлять в адрес органов управления микрофинансовой организации требования об устранении выявленных нарушений и применять меры надзорного реагирования, предусмотренные пп. 6, 7 и 7.1 п. 4 ст. 14 Федерального закона от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ, а в отношении кредитных организаций — меры, установленные ст. 74 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Наиболее сложной и социально значимой проблемой является оформление займов мошенниками посредством неправомерного использования персональных данных заемщиков и перехвата кодов подтверждения, направляемых посредством коротких сообщений. Указанная проблема получила многоаспектное освещение как в научной литературе (при исследовании реализации принципа свободы договора при дистанционном обслуживании [15, с. 65], анализе проблем электронной графической подписи [14, с. 28] и обосновании необходимости формирования технологических экосистем на базе технических регламентов и стандартов, устанавливающих обязательные требования к объектам цифровизации [11, с. 149]), так и в судебной практике 2025—2026 гг., демонстрирующей выраженный сдвиг в сторону защиты жертв мошенничества. В частности, в решении Мариинско-Посадского районного суда Чувашской Республики от 10 февраля 2026 г. по делу № 2-27/2026 истец оспорил кредитный договор с ПАО «Банк ВТБ», оформленный мошенниками. Суд установил, что банк не проверил принадлежность номера телефона истцу, и признал договор незаключенным. При аналогичной ситуации с АО «Альфа-Банк» решением Железноводского городского суда от 10 марта 2026 г. № 2-312/2026-М-55/2026 договор признан ничтожным. Суд указал, что вход с нового устройства и мгновенный перевод средств третьим лицам должны были стать основанием для дополнительной верификации. Как справедливо отмечают В. С. Ем и Е. А. Суханов, добросовестность в обязательственных отношениях представляет собой объективный стандарт поведения, нарушение которого влечёт неблагоприятные последствия для злоупотребляющей стороны [2, с. 10], а его практическая реализация в контексте п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса РФ, по обоснованному замечанию Е. В. Вавилина, невозможна без сопоставления организационных, материальных, профессиональных и информационных возможностей участников оборота [4, с. 100]. Фундаментальное значение имеет Определение Верховного суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 41-КГ25-69-К4, в котором было прямо указано, что наличие корректной электронной подписи само по себе не является безусловным доказательством волеизъявления заемщика при наличии данных о мошенничестве. Договор, заключенный в результате мошеннических действий, является ничтожным (п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса РФ). Поворотным стало Определение Конституционного суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О, в котором суд указал, что при дистанционном оформлении кредита банку надлежит принимать повышенные меры предосторожности. Для обеспечения единообразия правоприменения в данной категории дел необходимо закрепление на уровне разъяснений Верховного суда РФ перечня объективных признаков аномальной активности (вход с нового устройства, мгновенное оформление кредита, перевод средств

третьим лицам, смена пароля непосредственно перед операцией), при выявлении которых бремя доказывания реальности волеизъявления заемщика переносится на кредитора как профессионального участника рынка, обладающего техническими возможностями верификации.

Также злоупотребления допускаются при использовании внесудебных и упрощенных механизмов взыскания задолженности, например, через нотариальные исполнительные надписи и в приказном производстве. Кредиторы активно используют внесудебный порядок взыскания через нотариальные исполнительные надписи. В делах Железноводского городского суда Ставропольского края от 13 октября 2025 г. по делу № 2-1210/2025 и Мариинско-Посадского районного суда Чувашской Республики от 10 февраля 2026 г. по делу № 2-27/2026 истцы успешно оспорили нотариальные надписи. О. Н. Евсеева подчеркивает, что проблема бесспорности требований приобретает особую остроту в приказном производстве, где заемщик фактически лишен возможности заявить возражения до вынесения судебного приказа [7, с. 30]. В. М. Нестеров обращает внимание на то, что использование института мировых судей в качестве инструмента бесспорного взыскания создает дисбаланс процессуальных прав сторон [16, с. 34]. Для устранения выявленного дисбаланса процессуальных прав представляется обоснованным судам отказывать взыскателю в вынесении судебного приказа о взыскании задолженности по кредитным договорам (договорам займа), заключенным посредством простой электронной подписи, без приложенных к заявлению достоверных данных о принадлежности заемщику номера телефона, на который направляется код, необходимый для ввода заемщиком для подписания договора и счета (карты), на которые перечисляются денежные средства, что соответствует положениям п. 3 ч. 3 ст. 125 Гражданского процессуального кодекса РФ и разъяснениям п. 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о бесспорности требований».

Отдельного необходимо упомянуть схемы уклонения от уплаты государственной пошлины при взыскании задолженности. Нередко первоначальные кредиторы уступают права требования индивидуальным предпринимателям, имеющим инвалидность, с целью использования льгот, предусмотренных пп. 2 п. 2 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ. Однако в настоящее время судебная практика активно пресекает подобные попытки. Например, в Определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2026 г. № 88-12985/2026 суд отказал в освобождении от уплаты госпошлины заявителю-правопреемнику, являющемуся индивидуальным предпринимателем и инвалидом II группы инвалидности. Суд указал, что налоговая льгота носит строго адресный характер для инвалидов-истцов и не распространяется на лиц, которые еще не приобрели такой процессуальный статус. Аналогичная судебная практика сложилась и в других регионах Российской Федерации (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 августа 2025 г. № 88-14768/2025 по делу № 2-107/2017, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2025 г. № 88-26660/2025, Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2026 г. по делу № 88-16868/2026).

Системный анализ всех перечисленных форм позволил выявить их хронологическую динамику и выделить четыре этапа эволюции злоупотребления правом:

- 2017—2018 гг. характеризовались отсутствием законодательных ограничений общей суммы всех платежей. Федеральный закон от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ не содержал прямого ограничения на размер процентов, договоры заключались под 730 % годовых. В апелляционном определении Десногорского городского суда от 27 апреля 2017 г. по делу № 11-11/2017 суд частично удовлетворил требования о снижении установленного договором размера процентов, квалифицируя это как злоупотребление правом.

- 2019—2022 гг. ознаменовались вступлением в силу Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 554-ФЗ (с установлением лимита в 200 %), затем Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 271-ФЗ снизил предел до 150 %.

- 2023—2024 гг. ознаменовались ростом цифрового мошенничества и системной практикой продажи долгов индивидуальным предпринимателям.

С 1 апреля 2026 г. предельная переплата снижена до 100 % (Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 545-ФЗ). Данная эволюция подтверждает подход А. Г. Карапетова, развиваемый в рамках экономического анализа гражданского права, согласно которому при оценке поведения сторон в обязательственных отношениях необходимо переходить от формальной проверки соблюдения процедуры к анализу реального экономического содержания таких действий [1, с. 444]. Ужесточение императивных норм стимулирует кредиторов к поиску новых способов обхода запретов, что подтверждает необходимость оценивать при рассмотрении споров не только формальное соблюдение процедуры заключения договора, но и реальность волеизъявления заемщика.

На основе обобщения судебной практики 2025—2026 гг. и анализа правовых позиций Конституционного и Верховного судов РФ сформулированы следующие единообразные критерии добросовестности кредитора при дистанционном предоставлении потребительского кредита (займа):

1. *Проверка принадлежности средств идентификации.* Кредитор обязан убедиться в принадлежности номера телефона и банковской карты конкретному заемщику в момент совершения сделки, а не ограничиваться формальным фактом ввода кода подтверждения.

2. *Мониторинг аномальной активности.* В случае, если имеются объективные признаки аномальной активности: вход с нового устройства, мгновенное оформление кредита, незамедлительный перевод средств третьим лицам, смена пароля непосредственно перед операцией, то кредитор, как профессиональный участник правоотношений обязан их выявлять и фиксировать.

3. *Содержание обязанности по верификации.* В случае, когда выявлены признаки аномальной активности, бремя доказывания реальности волеизъявления заемщика возлагается на кредитора, который обладает техническими возможностями верификации.

4. *Реальная возможность выбора при дополнительных услугах.* Добровольность согласия заемщика на дополнительные услуги предполагает запрет машинописного способа выражения согласия, а также предоставление полной информации о стоимости услуг. Процентная ставка не может зависеть от наличия дополнительных услуг без ознакомления заемщика и его согласия с ними.

5. *Отказ от формального подхода.* Наличие корректной простой электронной подписи само по себе не является безусловным доказательством волеизъявления заемщика, если имеются данные, указывающие на цифровое мошенничество или компрометацию персональных данных.

Закрепление данных критериев на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации обеспечит единообразие правоприменения и защиту прав заемщиков в условиях цифровой трансформации финансового рынка.

Проведенный в статье анализ судебной практики позволяет констатировать формирование устойчивых подходов к защите заемщиков, согласно которым бремя доказывания волеизъявления переносится на кредитора при выявлении признаков аномальной активности; договоры цессии в пользу непрофессиональных взыскателей признаются недействительными; суды осуществляют строгий контроль за соблюдением лимита предельной задолженности; отказ в возбуждении уголовного дела не препятствует гражданско-правовой защите; договор, заключенный в результате мошеннических действий, является ничтожным. Достоверность результатов подтверждается устойчивой позицией высших судебных инстанций и согласуется с выводами ведущих цивилистов о пределах осуществления гражданских прав и критериях добросовестности.

### Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Злоупотребление правом в сфере микрофинансирования трансформировалось от прямого завышения процентов к сложным схемам, включающим навязывание скрытых комиссий под видом дополнительных услуг, незаконную переуступку долгов непрофессиональным взыскателям и использование уязвимостей систем дистанционной идентификации. Данная эволюция непосредственно связана с этапами законодательного ужесточения, поскольку каждое новое ограничение стимулирует кредиторов к поиску альтернативных способов извлечения прибыли.

2. Анализ судебной практики 2025—2026 гг. обнаруживает выраженную направленность на защиту экономического баланса договора. Формальный ввод кода, полученного посредством короткого сообщения, более не считается безусловным доказательством заключения договора, особенно при наличии признаков мошенничества. Суды последовательно признают договоры потребительского кредита (займа) незаключенными или ничтожными при отсутствии реального волеизъявления заемщика, а договоры цессии в пользу непрофессиональных взыскателей — недействительными. Одновременно суды осуществляют строгий контроль за соблюдением лимита предельной задолженности, пресекая попытки обхода через неустойку и отдельные договоры на дополнительные услуги.

3. Риск несанкционированных операций и ошибок идентификации в цифровой среде должен распределяться справедливо: профессиональный участник рынка, обладающий техническими возможностями контроля, алгоритмами предотвращения мошенничества и доступом к базам данных, несет основное бремя ответственности за верификацию контрагента. Обоснованный в статье доктринальный подход к распределению бремени доказывания волеизъявления заемщика может быть использован при формировании единообразной судебной практики.

4. Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их непосредственного применения для совершенствования правоприменительной практики. Для минимизации судебных рисков и защиты прав граждан необходимо:

– *кредитным организациям и микрофинансовым организациям* — внедрение многофакторной аутентификации (биометрия, аппаратные ключи) и обязательное проведение глубокой проверки транзакций при подозрительной активности (смена устройства, быстрый кредит, перевод третьим лицам);

– *Банку России* — ужесточение контроля за операциями по уступке прав требования с целью исключения передачи долгов непрофессиональным взыскателям, а также разработка методических рекомендаций по применению повышенного стандарта доказывания волеизъявления при дистанционном кредитовании;

– *законодателю* — закрепление в Федеральном законе от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ повышенного стандарта доказывания факта волеизъявления заемщика при выявлении совокупности признаков мошенничества, возможности возложения бремени опровержения презумпции отсутствия реального волеизъявления на кредитора как профессионального участника рынка;

– *судам* — ограничение использования приказного производства при дистанционном заключении договора без подтверждения принадлежности должнику номеров телефона, с которого направлен код для подтверждения, и банковской карты, указанной для перевода денежных средств;

– *финансовому уполномоченному и обществам защиты прав потребителей* — усиление консультационной работы с гражданами-заемщиками;

– *гражданам-заемщикам* — повышение правовой грамотности в сфере дистанционного кредитования, включая понимание механизмов оспаривания навязанных дополнительных услуг, кредитов (займов), оформленных мошенническим путем, а также права на применение лимита предельной задолженности при взыскании.

5. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния цифровизации судопроизводства на обеспечение единообразия практики по делам о защите прав потребителей финансовых услуг, сравнительно-правовым изучением зарубежного опыта регулирования дистанционного кредитования, а также с разработкой методических рекомендаций по усилению контроля за операциями в системах дистанционного банковского обслуживания.

Таким образом, противодействие злоупотреблениям в сфере микрофинансирования требует не только совершенствования нормативного регулирования, но и повышения стандартов доказывания добросовестности со стороны кредиторов как профессиональных участников рынка. Только последовательный переход от формальной оценки электронных сделок к содержательному анализу реального волеизъявления заемщика способен обеспечить справедливый баланс интересов сторон и устойчивое развитие рынка потребительского кредитования в России.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 527 с.
2. Ем В. С., Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 4. С. 7—21.
3. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : моногр. 3-е изд., доп. М. : Юрайт, 2023. 241 с.
4. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав : моногр. М. : Волтерс Клувер, 2009. 338 с.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 410 с.
6. Шестемиров А. А., Семёнова А. Д. Исследование экономико-юридического содержания понятия «микрокредитование» // Финансовое право. 2023. № 4. С. 27—29.
7. Евсеева О. Н. Вопрос бесспорности требований при взыскании задолженности по договору микрозайма, подписанному электронной подписью // Мировой судья. 2022. № 9. С. 29—32.
8. Кванина В. В., Локтева М. Н. Об отдельных вопросах навязывания страховых услуг при заключении кредитного договора: закон и практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7. С. 94—102. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.95.7.094-102.
9. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. 918 с.
10. Джумагулов Д. Д. Проблемы согласования воли сторон при заключении договоров цифровой подписки // Закон. 2025. № 9. С. 171—181.
11. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : моногр. / под общ. ред. А. В. Минбалева. М. : Проспект, 2020. 266 с.
12. Карловский А. Заключение кредитного договора с помощью SMS // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 2. С. 60—69.
13. Хадеева М. В. Реализация принципа свободы договора в области правового регулирования новых банковских технологий (на примере дистанционного банковского обслуживания) // Банковское право. 2017. № 4. С. 63—67.
14. Соболев С. В. Электронная графическая подпись: проблемы правовой природы и применения // Цивилист. 2024. № 2(48). С. 26—34.
15. Бакурова Н. Н. Недобросовестные действия «профессиональных взыскателей» и как с ними бороться // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 65—69. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-3-65-69.
16. Нестеров В. М. Изменение подсудности мировых судей по гражданским делам // Мировой судья. 2024. № 3. С. 32—37. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-3-32-37.
17. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 357 с.

## REFERENCES

1. Karapetov A. G. Economic analysis of law. Moscow, Statut, 2016. 527 p. (In Russ.)
2. Em V. S., Sukhanov E. A. On types of subjective civil rights and the limits of their implementation. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*. 2019;19(4):7—21. (In Russ.)
3. Porotikova O. A. The problem of abuse of subjective civil right. Monograph. 3rd ed. Moscow, Yurait, 2023. 241 p. (In Russ.)
4. Vavilin E. V. Exercise and protection of civil rights. Monograph. Moscow, Wolters Kluwer, 2009. 338 p. (In Russ.)
5. Griбанov V. P. Exercise and protection of civil rights. Moscow, Statut, 2000. 410 p. (In Russ.)
6. Shestemirov A. A., Semenova A. D. A study of the economic and legal content of the concept of microfinancing. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2023;4:27—29. (In Russ.)
7. Evseeva O. N. The question of the indisputability of claims when collecting debts under a microloan agreement signed with an electronic signature. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*. 2022;9:29—32. (In Russ.)
8. Kvanina V. V., Lokteva M. N. About Certain Issues of Hard Selling of Insurance Services when Concluding a Loan Agreement: Law and Practice. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;7:94—102. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2022.95.7.094-102.
9. Savel'ev A. I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 3rd ed. Moscow, Statut, 2020. 918 p. (In Russ.)
10. Dzhumagulov D. D. Issues of parties' will coordination in concluding digital subscription agreements. *Zakon*. 2025; 9:171—181. (In Russ.)
11. Mechanisms and models of regulation of digital technologies. Monograph. A. V. Minbaleev (ed.). Moscow, Prospekt, 2020. 266 p. (In Russ.)
12. Karlovskii A. Conclusion of a credit agreement via SMS. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoi organizatsii*. 2022; 2:60—69. (In Russ.)
13. Khadeeva M. V. Implementation of contractual freedom principle in legal regulation of new banking technologies (on example of distant banking servicing). *Bankovskoe pravo = Banking Law*. 2017;4:63—67. (In Russ.)
14. Sobolev S. V. Electronic graphic signature: problems of legal nature and application. *Tsivilist = Civilist*. 2024;2(48): 26—34. (In Russ.)
15. Bakurova N. N. Bad faith actions of professional collectors and how to fight them. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2024;3:65—69. (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1166-2024-3-65-69.
16. Nesterov V. M. Changing the jurisdiction of justices of the peace over civil cases. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*. 2024;3:32—37. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4152-2024-3-32-37.
17. Yudin A. V. Abuse of procedural rights in civil proceedings. Saint Petersburg, St. Petersburg State University publ., 2005. 357 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.07.2026; одобрена после рецензирования 22.08.2026; принята к публикации 24.08.2026.  
The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 22.08.2026; accepted for publication 24.08.2026.